

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В РУССКОЙ ПРЕССЕ 1905–1914 ГОДОВ

Работа представлена кафедрой русской истории.

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. Ю. Давыдов

В статье автор проследил реакцию русской прессы на действия германской дипломатии на примере политических кризисов накануне Первой мировой войны. Показана эволюция образа Германии от традиционного друга и союзника России еще в 1905 г. до злейшего врага в 1914 г.

Ключевые слова: *боснийский кризис, «газетная война», кризис Лимана фон Сандерса, первый марокканский кризис, Первая мировая война.*

L. Fisher

IMAGE OF GERMANY IN THE RUSSIAN PRESS OF 1905–1914

The author of the paper traces the reaction of the Russian press to the German diplomacy actions by the example of the political crisis before World War I. The evolution of Germany's image from the traditional friend and ally of Russia in 1905 to the most malicious enemy in 1914 is shown.

Key words: *Bosnian crisis, paper war, mission of Liman von Sanders, the first Moroccan crisis, World War I.*

Отношение русского общества к Германии выявлялось в ходе кризисов: марокканский кризис 1905–1906 гг., боснийский аннексионный кризис 1908–1909 гг., споры вокруг русско-немецкого персидского договора 1911 г. и кризис 1913–1914 гг., связанный с миссией Лимана фон Сандерса. Эти события в полной мере отражались на страницах русской прессы. Первый марокканский кризис стал поворотным пунктом в отношении русской прессы к Германской империи. Последующие конфликты только усугубили эту перемену.

Газеты разных направлений освещали на своих страницах все эти события. Прежде всего упомянем о «Новом времени». Авторитет этого издания был высок. За границей газета воспринималась как официоз, хотя Министерство иностранных дел неоднократно опровергало такую точку зрения. В глазах немецкого читателя газета была не только русской Times и русскоязычной газетой с самым большим тиражом, но и постоянной зачинщицей антигерманских кампаний в русской прессе. Добрососедские отношения с Германией, которые отметило «Новое время» в связи со встречей в Бьерке, были омрачены

первым марокканским кризисом. Франция отклонила предложение Германии по поводу разграничения двусторонних интересов в Марокко и настояла на международной конференции, которая открылась 16 января 1906 г. в испанском приморском городке Алхесирасс. Австрия и Германия неожиданно для себя оказались против коалиции, состоящей из Англии, Франции и России, к которой также присоединилась Италия. Едва акт Алхесирасса, констатировавший неудачу немецких планов, был скреплен печатью, как «Новое время» стало писать о сближении с Англией [19]. Три недели спустя берлинский корреспондент газеты Н. К. Мельников высказал идею о замене случайной связи Англии, Франции и России союзом [13]. За год до этого «Новое время» выступало против союза с Англией и ратовало за союз с Германией с целью вытеснения влияния Англии с Ближнего Востока [18].

Алхесирасс был первым шагом к соглашению России с Англией. Вслед за этим, в августе, были улажены русско-английские разногласия в Тибете и Афганистане, Персию обе державы разделили на зоны влияния. Русская пресса была успокоена соглашением, ко-

тому радовались даже либералы. Наиболее отчетливо эти настроения выразила «Речь», которая видела в этом соглашении только начало обоюдного сближения и прибавляла к этому надежду всех либералов на изменения внутри России [30].

У октябристов этот внутривластный интерес был выражен слабее, их газета считала это соглашение нежизнеспособным и даже опубликовала список предыдущих прегрешений Англии против России. Любой другой союз одинаково приветствовался, так как все политические соглашения сохраняли свою силу лишь до тех пор, пока были полезны партнерам [3].

Выявляется закономерность: чем лучше российские газеты и журналы относились к Англии, тем хуже изображали они облик Германии. Из-за англо-русских противоречий на Ближнем Востоке русская пресса до сих пор выражала мало симпатий к Великобритании, теперь наступила перемена. В связи с этим очень характерно, что даже неполитический массовый журнал «Нива» следовал общему ритму. В 1904 г. он противился мнению, что Германия из всех великих держав самая агрессивная. С 1870 г. Германия не вела никаких войн, а Англия – целый ряд [8, с. 418]. Во время Русско-японской войны открыто говорилось о том, что «туманный Альбион» пытается обратить силу русского оружия против Германии, конкуренция которой угрожала Англии [9, с. 819–820]. В 1908 г. «Нива» отдала свою дружбу Англии, так как Россия не могла отказаться от своей исторической миссии в качестве державы – защитницы славян [10, с. 404]. В 1911 г. речь уже шла о воинственном и агрессивном германизме [12, с. 395]. Тем не менее после урегулирования второго марокканского кризиса журнал сменил свой тон по отношению к Германии на менее резкий, отметив, что немецкий народ гораздо менее воинственный, чем его дипломаты [11, с. 681].

Россия 2 (15) сентября 1908 г. дала согласие Австро-Венгрии на аннексию турецких провинций Боснии и Герцеговины взамен непротивления последней интересам России в вопросе о Черноморских проливах и отказа от

Новобазарского Санджака. Но Австрия провозгласила аннексию уже 24 сентября 1908 г., гораздо раньше, чем Россия могла ожидать, подчеркнув при этом, что действует не только с ведома, но и с согласия России. Реакция русской общественности на это событие была бурной. При первых же слухах о согласии министра иностранных дел А. П. Извольского на аннексию «Новое время» заявило: «Мы решительно отказываемся верить... Этого не может быть» [16]. «Речь» задавала вопрос: «Знал ли о готовящихся событиях русский министр Извольский? И если знал, то что он предпринял, чтобы предупредить тот тяжелый удар, который наносится интересам славянства с аннексией Боснии и Герцеговины?» [31]. Далее был поднят вопрос о судьбе Берлинского трактата: «Если Австро-Венгрия не находит больше нужным считаться с постановлением Берлинского трактата, – писали «Биржевые ведомости», – то и Россия может с ним не считаться там, где ей это будет нужно, где обстоятельства того требуют. Равно, если Россия объявит необязательными для себя постановления Парижского трактата, то она этим только вернет себе естественное право обеспечить своему Черноморскому флоту свободный проход через Проливы в Средиземное море» [1]. Эту точку зрения поддержала «Речь», назвав Берлинский трактат «ветхим клочком бумаги» [31]. Противоположной позиции придерживались «Русские ведомости», отвергавшие всякую мысль о компенсациях: «Русский народ может гордиться тем, что не преследует эгоистических интересов на Балканах...» [37]. Уже на следующий день стало ясно, насколько ошибочной была эта позиция.

25 сентября А. П. Извольский выступил с разъяснениями позиции российского МИДа в восточном кризисе. Министр признал, что был осведомлен о намерении австрийского министра иностранных дел А. Эренталя аннексировать Боснию и Герцеговину, но не знал, когда это может произойти. А. П. Извольский поделился планами проведения международной конференции, на которой возможен пересмотр Берлинского трактата, а также коснулся темы возможных компенсаций для заинтересованных государств. С этого момента полемика на

страницах газет разгорелась с новой силой. «Новое время» обрушилось на министра иностранных дел с резкой критикой, заявив, что открытие Проливов имело бы смысл только в случае наступательных действий, к которым русский флот совершенно не готов [17]. Резко сменила свою точку зрения «Речь». Пересмотр Берлинского трактата, накануне объявленного «ветхим клочком бумаги», вдруг стал нежелательным и даже опасным. Кадетский орган печати не вдохновляла и перспектива международной конференции: «Тот, кто полагается на дипломатические конференции, – тому выпадает на долю не особенно почетная роль – держать свечу у более сильных и потом уходить с пустыми руками» [32].

Последовал призыв Сербии к войне с Австро-Венгрией. Россия была тогда не в состоянии вести войну, но также и не хотела оставлять своих союзников на произвол судьбы. После того как Англия отказалась присоединиться к договору между Австрией и Россией по поводу открытия Босфора и Дарданелл для прохода русских военных кораблей, русской дипломатии стало еще труднее найти приемлемый для ее самоуважения выход из ситуации. В этой ситуации Германия 9 (22) марта 1909 г. выдвинула России ультиматум с требованием немедленно признать аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. В русской прессе эти события получили название «дипломатической Цусимы» [18; 38]. Тон русских газет по отношению к Германии достиг такой остроты, которой он больше не достигал до объявления Первой мировой войны.

В 1909 г. отношения между Германией и Россией достигли низшей точки за все предвоенное десятилетие. Споры вокруг персидского соглашения значительно уступали по своей остроте полемике по поводу ультиматума. 06 (19) августа 1911 г. после долгих колебаний Россия подписала соглашение. Россия признала немецкие торговые интересы в Персии, взамен Германия отказалась от железнодорожных концессий на севере Персии. Заключение договора способствовала перемена в русском Министерстве иностранных дел: после урегулирования боснийского кризиса А. П. Извольский покинул пост министра иностранных

дел. Его преемник С. Д. Сазонов стремился к соглашению с Германией.

Реакция правых на подписание Потсдамского соглашения лучше всего выражается словами В. П. Мещерского: «Потсдамское свидание дает надежду, что преемник г. Извольского предаст вечному забвению все то в его политике, что оказалось столь явно неумным и столь явно противным; и традициям и интересам русского монарха и русского государства» [7, с. 18]. Действительно, в Потсдаме велись переговоры о более далеко идущем русско-германском соглашении, но они закончились ничем.

Слух о готовившейся смене внешнеполитической ориентации России вызвал в кадетской, октябристской и умеренно правой печати большую тревогу. На страницах «Речи», «Нового времени» замелькали фразы о попытках «низведения России на положение третьестепенной державы – помощницы Берлина и Вены» [19; 20; 33; 34]. Это заставило С. Д. Сазонова поспешить с объяснениями в «Новом времени». Можно наверняка утверждать, что, прибегая к такого рода шагам, Сазонов обращался не только к английской и французской, но и к российской общественности.

Повторное обострение антинемецких настроений вызвала отправка в Турцию немецкой военной миссии под руководством генерала Лимана фон Сандерса в начале декабря 1913 г. «Новое время» забило тревогу о миссии Лимана в тот самый день, когда русский посол в Константинополе отправлял донесение о ней С. Д. Сазонову. «Влияние Германии в Турции усиливается, указывала газета. – Главе германской военной миссии, посылаемой в Турцию, будут подчинены турецкая армия и гарнизон Константинополя» [22]. «Новое время» не могло остаться равнодушным к такой попытке Германии получить контроль над Черноморскими проливами, не имеющей ничего общего с русско-германской дружбой. Понятие «дружба с Германией», над которым и до этого в печати иногда посмеивались, с тех пор в прессе употреблялось исключительно в ироническом смысле. «Вопрос идет вовсе не о призвании в турецкую армию иностранных инструкторов, а о фактическом обращении

Турции в азиатскую колонию Германской империи» [21; 23], – паниковало «Новое время». Даже когда генерал Сандерс из-за русских протестов был вынужден оставить командование первым армейским корпусом, «Новое время» продолжало выражать свое недовольство, заявляя, что фактически все осталось по-старому [24]. Другой точки зрения придерживалась газета «Речь», которая в этом мероприятии видела компромисс между русскими и немецкими интересами [35]. Единственным реальным результатом русско-германского конфликта из-за миссии Лимана фон Сандерса было взаимное ожесточение общественного мнения России и Германии, перешедшее в начале 1914 г. в настоящую газетную войну между обеими державами.

Так называемая «русско-немецкая газетная война» началась со статьи петербургского корреспондента Koelnische Zeitung Р. Ульриха от 18 февраля 1914 г., в которой Россия была обвинена в наращивании вооружений. Германская печать негодовала по поводу «уступчивости» своего правительства и открыто требовала войны против России [43]. Русская же печать со своей стороны называла «уступку» Германии «издевательством» и требовала «репрессий экономического характера» [25].

Министерство иностранных дел России не спешило с официальным ответом на выпад немецкой газеты, надеясь, по-видимому, что публикация не получит большого резонанса. Однако большинство русских изданий сообщили о сенсационной статье в Koelnische Zeitung уже на следующий день. «Новое время» писало: «...совершенно неожиданно после совсем недавних заявлений о дружбе с Россией виднейших политических деятелей Германии, в Берлине круто переменяли фронт и от дружеских заявлений перешли к совершенно недвусмысленным выводам о “предстоящей неизбежной войне”» [29]. «Германия, по-видимому, решила использовать тот благоприятный момент, какой для нее несомненно сейчас создается, – делал вывод орган октябристов “Голос Москвы”. – Германия более четверти века держит всю Европу в напряженном состоянии вооруженного мира. Но никогда еще положение не было так грозно,

как сейчас. Вот почему внутри России должно быть сделано все, чтобы быть готовым к грядущим событиям» [6].

Полемика между печатными органами двух держав достигла масштабов настоящей газетной войны. Обе стороны продолжали наносить друг другу удар за ударом. Германская печать была энергично поддержана австрийскими газетами, наиболее резкие высказывания которых в адрес России немедленно доводились русскими газетами до сведения своих читателей. Противостояние достигло такого уровня, что вызвало беспокойство официальных сфер как России, так и Германии. Последовали шаги, направленные на свертывание кампании. 25 февраля Lokal Anzeiger напечатал инспирированную германским министерством иностранных дел статью, в которой отмечалась дружественная совместная работа обеих держав в вопросе армянских реформ [44]. Успокоительные заверения поступили также из кругов, близких к германскому посольству в Петербурге.

Новость о покушении на австрийского наследника престола Франца Фердинанда 15 июня 1914 г. достигла читателей русских газет только на следующий день. Они восприняли это событие довольно-таки спокойно и единогласно осудили. Русские газеты подтвердили свою связь с Сербией, уничтожение которой могло, по их мнению, нарушить равновесие сил в Европе, Сербия была не одинока [41]. Неделью спустя после покушения заголовки газет обратились к другим темам: Пуанкаре в Петергофе, чума в Астрахани, ожидание неурожая, массовые забастовки в Петербурге. Но все это неожиданно потеряло всякое значение перед лицом австрийского ультиматума Сербии. С субботы, 12 (25) июля 1914 г., война уже была у всех на устах. Ни одна газета не считала ультиматум приемлемым, так как в случае его принятия Сербия превратилась бы в провинцию Австрии [5]. После того как Австрия расценила ответ Сербии как недружественный и начала мобилизацию, взоры русской прессы обратились к Германии. Русские газеты выражали уверенность, что холодный душ со стороны Германии мог бы остановить Австрию [26].

В воскресенье, 13 (26) июля 1914 г., Санкт-Петербургское телеграфное агентство (СПА) распространило сообщение, согласно которому Германия не имеет ничего общего с действиями Австро-Венгрии, что трактовалось как отказ союзнице в поддержке [39]. На этом сообщении русские газеты построили свою надежду, что буря и на этот раз миновала [27]. До этого воскресенья в прессе господствовало мнение, что Германия, «колыбель милитаризма», толкает Австрию на войну. По сообщению СПА, Германия расценивалась уже как мирная держава. Во вторник, 15 (28) июля 1914 г., когда М. О. Меншиков в «Новом времени» со всей определенностью заявил, что вооруженного столкновения не будет [28], Австро-Венгрия объявила Сербии войну. В среду только «Биржевые ведомости» продолжали надеяться на Германию [36]. В четверг главной новостью была русская мобилизация, которая, по мнению русской прессы, не имела никакого отношения к Германии. Последняя выступит на стороне Австрии только в том случае, если она будет атакована Россией, что, в свою очередь, никогда не произойдет. Мобилизация не обязательно влечет за собой войну [42]. Только

«Русское слово» не испытывало больше никаких сомнений и еще до объявления войны начало призывать к крестовому походу против Германии [40]. 18 (31) июля 1914 г., Россия получила от Германии ультиматум с требованием остановить мобилизацию. Россия этим ультиматумом была «несказанно удивлена» [2]. Срок выходил, ответа не было. В субботу, 19 июля 1914 г. немецкий посланник Фридрих фон Пурталес передал российскому министру иностранных дел меморандум об объявлении войны.

Это потом русская пресса начала создавать образ врага: Вильгельм II – бич народов, который всегда мечтал о войне; немцы – гунны и тевтонцы, чье иго должно быть уничтожено, чтобы человечество могло строить свое будущее, и т. д. Демонстрации и воодушевленные манифестации уже неделю держали город в напряжении, но в конце концов массовая истерия перешла все границы. Полицейская цепь в течение трех дней удерживала толпу от штурма германского посольства у Исаакиевского собора, во вторник вечером цепь была прорвана, толпа проникла в здание, опустошила и сожгла его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биржевые ведомости. 1908. 25 сентября.
2. Биржевые ведомости. 1914. 18 июля.
3. Голос Москвы. 1907. 22 августа.
4. Голос Москвы. 1910. 10 ноября.
5. Голос Москвы. 1914. 12 июля.
6. Голос Москвы. 1914. 22 февраля.
7. Гражданин. 1910. № 41.
8. Нива. 1904. 22 мая.
9. Нива. 1905. 15 октября.
10. Нива. 1908. 31 марта.
11. Нива. 1911. 10 сентября.
12. Нива. 1911. 7 мая.
13. Новое время. 1905. 22 мая.
14. Новое время. 1906. 1 апреля.
15. Новое время. 1906. 19 апреля.
16. Новое время. 1908. 25 сентября.
17. Новое время. 1908. 26 сентября.
18. Новое время. 1909. 16 марта.
19. Новое время. 1910. 17 октября.
20. Новое время. 1910. 22 октября.
21. Новое время. 1913. 20 ноября.
22. Новое время. 1913. 20 октября.

23. Новое время. 1913. 24 ноября.
24. Новое время. 1913. 30 декабря.
25. Новое время. 1913. 31 декабря.
26. Новое время. 1914. 13 июля.
27. Новое время. 1914. 14 июля.
28. Новое время. 1914. 15 июля.
29. Новое время. 1914. 20 февраля.
30. Речь. 1907. 22 августа.
31. Речь. 1908. 25 сентября.
32. Речь. 1908. 26 сентября.
33. Речь. 1910. 16 октября.
34. Речь. 1910. 22 октября.
35. Речь. 1913. 30 декабря.
36. Речь. 1914. 17 июля.
37. Русские ведомости. 1908. 25 сентября.
38. Русское слово. 1909. 21 марта.
39. Русское слово. 1914. 16 июля.
40. Русское слово. 1914. 17 июля.
41. Русское слово. 1914. 20 июня.
42. Утро России. 1914. 17 июля.
43. Koelnische Zeitung. 1914. 18. Februar.
44. Lokal Anzeiger. 1914. 25. Februar.